

DOI: 10.15643/libartrus-2022.3.1

«Наглядность» в обосновании научного знания

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

Конфессиональные querrelles de mots крупнейших гносеологических платформ – сенсуализма, рационализма, интуитивизма – концептуально «снимались» генеральной программой теоретико-познавательного фундаментализма, оформлявшейся на идеях: cogitationes – лишенной хабитуальной определенности субъектности, оккупирующей капсулу деперсонализированной души; lucidus ordo – ясного порядка миропредставления в опоре на наглядные самоданности. Идеал – не в достижении, но в – устремлении. Эрозию и предмета, и метода «непосредственного усмотрения» подготовили непреходящие завоевания экспериментальной, социальной психологии, когнитивистики, эволюционной эпистемологии, предобусловившие изменение общей стратегии гносеологической трактовки изучаемых явлений за счет акцентуации не «наглядности», но семантической выверенности.

Ключевые слова: обоснование знания, наглядность как критерий научности, семантическая процедура.

Профессиональная компетенция философии – налаживать, отправлять демонстрацию общезначимости оснований продуктивной деятельности – инструмента созидания совокупного культурного богатства. Развертывание таковой (демонстрации) в специальной лексике имеет техническое название – «обоснование». В совершенно специфическом – предельном – поисковом отношении философия концептуально реализуется как радикально «бедное» разведочное предприятие, поглощенное разработкой одной проблемы – проблемы обоснования, сиречь показом побудительности неких системообразующих приоритетных начал, подготовленных каким-то interna corporis.

Дабы сложиться и состояться, философствование востребует выполнения двух неременных условий:

- вычленения горизонтного (пограничного), сосредоточенного на контуре культурно-исторической «сферы Шварцшильда» плана предметности (в фиксированных ареалах общечеловеческой практики);
- активации рефлексивного потенциала, обеспечивающего адекватный способ осмысления – концептуализации, тематизации, версификации – паушального – духовного и практически-духовного достояния.

Применительно к вопросам знания (науки) – отложительно и противопоставительно альтернативным ему – вызывающим шквал раздражения, солидарного возмущения, жгучей досады – модификациям познания (мнение, вера, догадка, сомнение, предубеждение и др.) – проблема обоснования озвучивается щепетильной риторикой гносеологического удостоверения: обосновать знание – значит, собственно говоря, – уразуметь его возможность, – возможность, проистекающую из самодостаточных предпосылок порождающего его процесса.

Учитывая, что всякая фундаментальная теория (ФТ) надстраивается над еще более фундаментальной базисной теорией (БТ) (в логико-математическом знании роль БТ играют аксиоматики теории множеств; в естествознании – варианты хроногеометрии; в общественном знании – модели хроно-, геополитики, глобалистики; в гуманитарном знании – программы самоутверждения homo по императивам индивидуализма – корпоративизма – гуманизма) [8–10, 13], блокирование порочного регресса удостоверяющей процедуры в проекции каркасов ФТ на БТ в некотором терминальном смысле осуществляется выработкой образа финитной БТ, воплощающей идею абсолютно достоверного остова мыследеятельности – окончательно достигнутого чаемого состояния сбывшихся надежд и упований.

Счастье – редкий гость человеческой жизни; не менее редкий гость оно – человеческого познания, взыскующего открыть шлюз обретения радужного конца, окончательного уяснения. Приучать к тому, что свинцовый туман рассеется, у страждущих будет «все», – такой установкой захвачена традиционная эпистемология со стержневым locus classicus: определенно существуют прозрачайшие «логоны» знания, выражаемые универсальным языком самоочевидной, достоверной наглядности. Наглядность – именно ей отдается пальма первенства концентрации всесторонне исчерпывающей окончательной рецептуры обоснованности, подборником которой в методологии оказывается стандартный теоретико-познавательный фундаментализм.

По своей конститутивно-регулятивной сути «обоснование» – гносеологический поставщик демонстративных гарантий, возникающих согласно закону достаточного основания и навешивающих характерное безотносительное убеждение «дело обстоит так, а не иначе». Очерчиваемое копулой «так, а не иначе» умственное пространство – найдостовернейшая реальность, не предусматривающая каких-либо дополнительных обоснований. Что же, – архимедова точка опоры найдена?..

К нашему величайшему сожалению, погружение в синектуру celebrating life преждевременно.

Избегая многословия, обескураживающая суть дела заключается в том, что наистрожайшая дедуктивная организация обоснования (как познания «из основания») опирается на применение законов логики – самих по себе, всеохватно и единосушно, – логически строгим образом не обоснованных. Вот – незадача. В полном соответствии с соображением неудовлетворительности самоприменимости, – законы логики фундаментально логически не обоснованы. Сказанное составляет камень преткновения теории обоснования, вынужденной противостоять инспирируемому коллизией болезненному разъедающему вихрю антипретенциозности: теория обоснования учит «как обосновывать», самоуничтожительно пребывая «необоснованной». Ввиду тотальной необоснованности обоснования (его обоснованности до локальных ситуативных пределов) проблема обоснования обоснования «внутренних» – технических (формальных) – решений не имеет.

Чем заполняют разрозненную, неполную картину «обоснования обоснования»?

Суррогатом вставок паллиативных инкорпораций апелляцией к:

- предельно-непредельным параметрам наглядности, переводу плана «существенность» в план «очевидность» [19, с. 234];
- дифференцировкам «убеждения» – плод методической (технически универсальной) «аргументированности», – «внушения» – плод уникального «прочувствования»; разведению «истин разума» и «истин сердца» [49, с. 512] (Мораль коллизии примечательна:

генеральную теорию обоснования (доказательства) невозможно развить как доктрину, где универсум синтаксически справедливого изоморфен семантически выверенному. В конечном счете обоснование (доказательство) не покрывается образом формального массива записей. О том – и теорема Геделя о неполноте с утритированием идеи недоказуемости (необосновываемости) непротиворечивости для богатых (содержательно емких, включающих, как минимум, аппарат рекурсивной арифметики) теорий).

Указанным, однако, пренебрегает стандартный гносеологический фундаментализм, заявляющий платформу эвидентного базиса знания. В обход разномастных идейных тяготений «наглядность» уточняется здесь в терминах: непосредственная визуальная данность; явная усматриваемость; ничем не обремененная «живая» созерцаемость; прямая признаковая заданность. Далее – по исследовательским предпочтениям в фарватере программирующей эпистемологической триады «рационализм – эмпиризм – интуитивизм» – вариации с ответвлениями: «идейная обозримость» (рационализм); протокольная «очевидность» (эмпиризм); умственная «усматриваемость» (интуитивизм).

Если мерить историю журавлиными шагами, – в стремлении проецировать логические диспозиции на материал наследия, – скорее всего, возможно прийти к выводу о генеалогической исходности эмпиризма.

Значения определяются культурой, смыслы – разработческим общением. Идейные смыслы не равносильны культурным значениям. Естественное первенство эмпиризма обусловлено вполне «естественными» причинами: соображениями:

- естественного (!) отбора, демонстрирующего высокую адаптивность «чувственности» (без чего перспективы рода утрачивали бы кредитоспособность) и инспирирующего прочное обыденно-практическое убеждение «чувства не обманывают»;
- наивно-реалистической (квалитативистской) трактовки знания, полноценно впервые предложенной Аристотелем, выдвинувшим автологический эпистемологический тезис: ощущение – память – опыт (с прямой фиксацией *sense data*) – наука.

Многочисленные зилоты наивно-реалистической версии познания – адепты эмпирико-индуктивистской линии эпистемологии от сенсуализма через позитивизм к неореализму и неопозитивизму, соответственно гиперболизирующие статусы ощущения – *sense data* – протоколов наблюдения (атомарных предположений, коррелируемых с атомарными фактами) в качестве непререкаемого фундамента знания. Не входя в разбор доктринально переработанных и преодоленных – принадлежащих истории взглядов (от Бэкона, Локка, Беркли, Юма, Кондильяка, Гартли до Мура, Рассела, Прайса, Витгенштейна и др.), – подчеркнем невыполнимость двух технических моментов эмпиристской программы обоснования знания.

1. Невозможность редукции концептуального массива (понятийного фонда) к сенсуально прозрачным «элементам мира», если предметом критики брать не построения профессиональных философов, а деятелей науки, – того же Маха [28, 29]. Радикальный нигилизм к спекулятивным фикциям – неприятие несогласующихся с принципом «экономии мышления» абсолютных пространства, времени, движения классической механики – не может быть проведен вполне последовательно и полно, о чем свидетельствуют: а) введение понятия «инерциальная система отсчета» в механике – путем отнесения к однородности и изотропности пространства и однородности времени [21]; или к более капитальной коперниковой системе отсчета [38]; б) оправдание

релятивистских эффектов в общей теории относительности «принципом Маха» (! – гир-маса судьбы).

2. Неработоспособность ассоцианистских порождающих схем знания, композиционно составленного якобы из «элементарных» атомов – единиц чувственности. Против такого взгляда на природу познавательного продукта полновесно восстают завоевания когнитивистики, психологии, эволюционной эпистемологии, утрирующих цельность (гештальтообразность), категоризованность, фаціальность [11], – в любом случае, – неассоциативность техник производства массива науки.

Как следует из хорошо осмысленной эпопеи неопозитивизма: не все содержание теории сводится к аналитическим предложениям; не все содержание эмпирии сводится к предложениям наблюдения. В отсутствии полного имеет место частичное взаимопокрытие «мысли – опыта», на что указывает свободное от опытного контроля креативно-продуктивное умственное развитие [12], непосредственно удостоверяемое тезисом Дюгема – Куайна.

Говоря суммарно и по существу, вопросы онтологии знания (его развитой формы – теории) решаются в створе не эмпирической, но любой (!) интерпретации, подводящей под суждение множество не исключительно опытно поставляемых, но любых объектов, релевантных допускаемой знанием (теорией) абстрактной признаковой (свойства, отношения) базой. В более формальном выражении – интерпретация теории устанавливает значение переменных (связанных переменных – подкванторных выражений), на что в дальнейшем наслаиваются отнесения к конститuentам фаций, картин мира, базисных теорий (интерпретации неевклидовых геометрий, – через отнесение к положениям евклидовой геометрии; квантовой механики – через соотнесение с классической механикой).

Проблема отношения «теория-эмпирия» не имеет прямолинейно-лобовой, сиволапой редакции «опыт – мысль»; она имеет уклончивую, обходную редакцию «мысль – метафорически настроенная мысль – (квантовая механика – классическая механика) – потенциальная опытная проекция».

На критике эмпиристского инструментария выделения простого, ясного, отчетливого, очевидного, непреложного, несомненного в экспериментально-явленческой деятельности предлагается оппонирующий ему инструментарий выделения сходного в спекулятивно-умозрительной деятельности. Радикализируются ресурсы:

- самосознания, поставляющие высвечиваемые естественным (!) светом разума – трансцендентальной интроспекцией – исходные принципы субъективной непосредственности, достоверности;
- дедукции – надлежаще логически организованного, систематизированного, обеспечивающего непрерывность вывода способа движения мысли, любое звено которого обозримо, эnumerативно и т.п.

По универсально-номологической дедуктивной сценографии познания отрабатывается масштабный проект *Ars Magna* (Луллий) – своеобразной логической машины, позволяющей механически наращивать массив содержащих потенцию знания высказываний (комбинации акциденций, субстанций, предикаций сущего), активно поддерживаемой Декартом – *Mathesis universalis*; Уилкинсом – *Linguae philosophicae et characteristica universalis*; Лейбницем – *De arte combinatoria*, Валлисом, Рамусом, Виетом, Стевином и др.

Раздувание утопических сумбурных вихрей в створе тщаний «лучше делать и жалеть, чем не делать и жалеть», в общем, завершилось сумеречным «ничем», точнее – спровоцированной

уничтожающей волной раздражения и сарказма всепоглощающего разочарования. Огненный напор критики вызвали:

1. Неуточняемость отправного пункта (исходных аксиом) теоретизирования. Декарт настаивал на его принадлежности математике, Лейбниц – логике.
2. Непроясняемость критерия «простоты», «отчетливости», «непосредственной очевидности» основоположений, что привносило сумятицу в отбор кандидатов на их роль. Чисто вкусовым образом Декарт высказывался в пользу «протяжения», тогда как Лейбниц – в пользу «числа». Критическую генерализацию казуса, во многом превосходящую последующую методологическую неудовлетворенность осуществляющимся, предлагал еще Гассенди, утверждая: «Идеи, которые сейчас представляются ясными и отчетливыми, могут со временем оказаться смутными и неясными» [3, с. 591–592]. Проблема не возымела какого-то явного решения и в порядке нашего дня. Эпопея «очевидности» тянется с греческой культуры, внедрявшей в толкование первоначал атрибуцию «прозрачность». Последней не отвечала 11 аксиома о параллельных евклидовой геометрии, которую автор «Начал» пытался выдворить из перечня основоположений. Оставляя за рамой показательную событийную линию обоснования геометрии, констатируем отсутствие в метасознании и современной математики более или менее трезвой трактовки существа «очевидности». С ней работают, ее используют, но, так сказать, явочным образом. Сошлемся на Фреге, поддерживавшего императив «самоочевидности» аксиом; Клейна, конституировавшего достоверность математических начал «интуитивной данностью» [17, с. 28]; Клини, провозглашавшего: «...для математики не остается никакого другого источника, кроме интуиции, которая с непосредственной ясностью (!? – **В. И.**) помещает перед нашими глазами (умственный взор!? – **В. И.**) математические понятия и выводы...» [18, с. 52]. (Не обинуясь, спросим: какая интуиция с непосредственной ясностью откроет глаза математику на природу «числа», «множества», «морфизма категорий», распределения простых чисел в натуральном ряду, не говоря уже об обстоятельствах, скрывающихся за аксиомой выбора, континуум-гипотезой, чистыми теоремами существования и т.п.)
3. Неотрефлексированность спекулятивного удостоверения корня совершенности первоначал, влекущую курьезную тактику *ad hoc* моделирования, – а именно: Декарт упирает на «правдивость Творца»; Спиноза – «интеллектуальное умозрение»; Лейбниц – «задатки мышления» и т.д. Плюрализация эксплананса в таком ответственном предприятии, как задание отправного, непозволительна, недопустима.
4. Гносеологическая предвзятость трансцендентализма, берущего началом познания (системы обоснования, философии в целом) то ясное, отчетливое, несомненное, что «принадлежит мне» [7, с. 269]. По крупному счету доказательно зависают идеи (а) чистого «Я», не отягощенного онтогенетическими, социализационными, интерактивными определениями; (б) наибольшей достоверности материи мышления «Я», – как убеждал Декарт, «вне нашего мышления нет ничего подлинно (?! – **В. И.**) существующего» [7, с. 428].

Относительно (а) и (б) уместен аргумент Гассенди: «...хотя ты знаешь, что... мыслишь... ты не знаешь, каков ты как мыслящая вещь... тебе известна только функция, но неизвестно главное – функционирующая субстанция» [3, с. 483]. Относительно (б) уместно общее сомнение в отсутствии в нашей мысли неких неясных, темных пластов (тем более на фоне достаточно

развитой доктрины бессознательного). Хотя именно в данном пункте отмечался очевидный диссенсус в среде практикующих теоретиков. Упомянем Спинозу: люди следуют скорее «руководству слепого желания, чем разума» [34, с. 291] или: влечение – «самая сущность человека» [33, с. 537]; Локка: есть смутные достояния души – свидетельства ее неразумия [24, с. 394]; Юма: разум – раб аффектов [40, с. 556].

Отмеченное позволяло уже Бейлю высказывать скепсис по поводу выстраивания трансцендентальной метафизики как строгого достоверного знания.

Окончательный и безапелляционный итог программы обоснования знания в терминах калькулирующей *characteristica universalis* подвели метатеоретические результаты о неразрешимости некоторого класса задач, полученные в качестве строгих метатеорем в метаматематике, теории некорректных задач, программировании, теории алгоритмов.

Сближаемую с рационализмом по пафосу, но удаляемую от него по методу программу обоснования знания развивает интуитивизм, ставящий на особый вид духовного чувствования в лице созерцания, усмотрения, пристального всматривания, венчающегося распознающим установлением, обнаружением.

Аристотель допускал «общее» чувство – *sensus communis*; Августин – «внутреннее» чувство – *sensus interior*. Не останавливаясь на филиации идей, но намечая их утилизацию, отметим лишь нужное нам следующее. Тематизация внутреннего чувства – питательная среда субъектоцентричной авторефлексивной парадигмы, удостоверяющей и субъективность, как таковую, и способы ее одействования (самооценка, интроспекция).

Апогей познавательного проникновения в природу – «самую актуальность вещей» – прямой контакт с реальностью – не имеет твердого гносеологического оформления ни в языковом, ни в операциональном отношении. При адресации к философским традициям уместно, видимо, вспомнить неоплатоновскую «иллюминацию», августиновское «просветление умопостижимым светом», соединение души с Богом мистиков и т.д.

Взятый как некое целое сам по себе интуитивизм неоднороден, многослоен; в тематизации интуиции как специфического чувства внутри него автономизируются линии:

- мистическая интуиция – упомянутое иллюминатство (неоплатонизм, ишракизм); прозрение (Менандр); вчувствование (Бергсон); «пророческое возвещание»; снимающее перегородки субъективного и объективного и подготавливающее переживание абсолютного (Всевышнего) озарение (Лосский) [27, с. 68]; сверхъестественные экстатические видения (противопоставленный *lumen naturale* – *lumen supranaturale* – Фома);
- рациональная интуиция – а) тип созерцания идеалий-эйдосов (от платонизма до гуссерлианства и математического интуиционизма); б) прямое усмотрение сущности умственным взором (Декарт, Гуссерль, Рембо, Соловьев, Белый – типический гуссерлевский прием удостоверения совершенной самоданности – *Wesenschau*);
- чувственная интуиция – а) переживательное конституирование прозрачной значимости полноты мгновения-момента (антропологистика, гуманитаристика) [13]; б) отчлененное от мышления и ощущения представление подпадающего под категоризацию предмета (Кант); в) визуальное обследование формальных записей (строчек вывода), гарантирующее установление отсутствия равенства $0 = 1$ в качестве итоговой формулы (метаматематика Гильберта).

Выделим главное. Гносеологическая целеустремленность интуитивизма (безотносительно философским наклонностям) – допущение неких простых, самоочевидных, ясных

начал познания, поставляющих непререкаемые свидетельства оправданности истоков духовной деятельности. Таковы «непосредственные» взаимосоответствия «идей-идеям» (Декарт, Локк), «идей-вещам» («атомарных предложений» – «атомарным фактам» – логический атомизм неопозитивизма).

Коль скоро речь идет о гносеологическом моделировании познавательного процесса, проблема сводится к поиску абсолютно достоверного внутривидового принципа. Понимание этого исходно тривиализирует эмпиризм как рефлексивную философскую метаплатформу. Действительно: располагающиеся вне познания принадлежащие миру «простые» отношения, – первичные качества (протяжение, плотность, форма, движение) – совпадающие со свойствами самих тел, становясь чувственными образами, субъективизируются, ничем не отличаясь от вторичных качеств (цвет, запах, вкус, звук), не принадлежащих телам и являющихся достоянием субъекта.

Последнее отменяет правомерность допущения внепознавательного основания познания, активизирует поиск достоверности сугубо внутривидовых начал.

Сказанное намечает магистраль трансценденталистской версии познавательной деятельности с утрированием как бы достигающей субъективной достоверности всеведущей интроспекции.

Не загружая изложение анализом деталей трансценденталистского проекта, по необходимости оценим лишь два его капитальных места: (А) модель основоположений; (В) способ их выделения.

(А) Качественная характеристика интеллектуальных первоначал сводится к «прозрачности»; критериология ее совершенности редуцируется к наглядности, отождествляемой с «непосредственной данностью», духовной непосредственностью. Таковая отмечается на поверхности в квалификациях конкретных ситуаций, связанных с сопоставлением «части» с «целым», количественных номиналов предметности ($3 > 2$) и т.п. Отправляясь от подобного, подчеркнем, – «стандартного» фундамента мышления, – более глубокую тематизацию поставляет Клини, утверждая о тактике задания ряда натуральных чисел: идея ряда «основана на возможности, во-первых, рассмотреть какой-либо предмет или опыт как данный нам независимо от всего остального мира, во-вторых, отличать одно такое рассмотрение от другого... в-третьих, представить себе неограниченное повторение процесса».

Итак, «наглядность», поставляющая возможность прямого решения, совпадают ли два предъявляемые символа или нет [37, с. 319]. Обыгрывается бесхитростнейшая процедура, позволяющая выделять-вычленять предметы и одновременно решать, единятся ли они между собой, составляются ли из них композиции. Вопрос заключается в том, какие предметы (вещи) обособливаются, как сопоставляются, как комбинируются? Если речь идет об операциональной концепции интеллекта [31], фундаментализируются схемы предметной деятельности в вещных ситуациях, адаптирующие поведение субъекта в объектной среде на генетически первичных сенсомоторных, конкретно операционных ступенях. Что до продвинутой стадии формальных операций, деятельность из предметной вещно ориентированной преобразуется в предметную символаориентированную, где никаких наглядных усмотрений *per se* реализовано быть не может.

Возвратимся к суждению Клини, упирающему на возможность непосредственного отчленения-различения предметов в допущении неограниченного повторения данного действия. На уровне (разумеется, и тут не независимых «от всего остального мира») сенсомоторных,

дооперациональных, конкретно операциональных этапов интеллектуальных действий художественно довод сохраняет силу, но безнадежно утрачивает ее при обращении к стадии формальных – высоко интеллектуальных символических операций. Что если расположение одних предметов – тех же чисел в последовательности натурального ряда – заменить расположением других предметов – множеств чисел в какой-то последовательности? – к какой интуиции, к какой наглядности, от которой «зависят всецело достоверность и очевидность... нашего познания» [25, с. 8–9], апеллировать?

Придется решать проблему континуума, доказывая или опровергая континуум-гипотезу (КГ): мощность континуума суть первая мощность, превосходящая мощность множества натуральных чисел. Или в обобщенной редакции: для произвольного множества первая мощность, превосходящая его собственную мощность, есть мощность множества всех его подмножеств. А она не решима с использованием традиционных средств теории множеств (результаты Геделя, Козна). Иными словами – не ясно: какое множество с какой мощностью следует за множеством натуральных чисел, обладающих наименьшей бесконечной мощностью \aleph_0 . (По канторовской КГ, за множеством натуральных чисел следует множество действительных чисел, обладающих мощностью континуума 2^{\aleph_0} , но в силу независимости КГ (по аналогии с независимостью аксиомы о параллельных в евклидовой геометрии, имплицитующей ее отрицание в неевклидовых геометрических конструкциях), осмысленно допускать неканторовские теоретико-множественные реальности с пока (!) неизвестными правилами членства одного после другого, способами классифицирования бесконечных совокупностей по их мощности, возможностями их количественного сравнения).

Разрушает надежды и постулирование априорности математической и логической интуиции [32, с. 58]. Вроде бы, элементарные соотношения $a + a = 2a$; $a \cdot a = a^2$ отменяются использованием закона идемпотентности, влекущего $a + a = a$; $a \cdot a = a$. Дело, следовательно, в опосредовании, фиксации определенных систем отсчета.

Не спасает и привлечение «здорового смысла», сыгравшего злую шутку с Больцано, который, отработывая понятие взаимно однозначного соответствия, не принял вытекающего из его применения метода установления количественной равносильности множеств, в частности, того, что бесконечное множество может быть равномощно своей правильной части (взаимно однозначное соответствие множества натуральных чисел – множеству четных чисел).

Сугубое недоверие вызывает общая мысль Флоренского, подчеркивающего: «...слова суть прежде всего конкретные образы (! – **В. И.**) ...каждому слову... равно и сочетанию их, непременно (! – **В. И.**) соответствует некоторая наглядность (! – **В. И.**), и эта наглядность... ничем не отличается от образности физических моделей или математических символов» [36, с. 91].

Здесь – что ни тезис, то загадка и сомнение.

а) Слова – конкретные образы? Изоморфизм «слово-образ» устанавливается в тривиальных случаях полной реконструкции основного прямого значения слова. Скажем: значение «4» – по словарному толкованию – быть количественной агрегацией четырех однородных единиц; смысл «4» уже не поддается словарной кодификации, приобретая необозримую контекстуальную выразительность: $2 + 2$; $2 \cdot 2$; $2! + (\cdot) 2!$; $\sqrt{16}$ и т.д.

Дело приобретает скверный оборот в необходимости различения омонимов (однозвучных, но не однозначных слов – «лоцман», «опушка»), фигур, тропов, иносказаний («черная заря» (Блок), «черное солнце» (Шолохов)), строго не определяемых категорий («число») (по аксиоматикам Цермело и фон Неймана) и т.д.

б) Каждому слову, их сочетаниям соответствует наглядность? Не беря казус беллетристической (литературной) зауми, возьмем точную науку – математику. Больцано, Вейерштрасс стоят у истоков «всей патологии в математике» [41, с. 27], открывая недифференцируемые (не имеющие производных ни в каких точках) функции: вариант Больцано:

$$f(x) = x \sin \frac{1}{x} \quad (x \neq 0, f(0) = 0).$$

Вариант Вейерштрасса:

$$W(x) = \sum_{n=1}^{\infty} a^n \cos(b^n \pi x) \quad (a < 1; b > 1; ab > 1).$$

Не говоря о том, что обозначаемые словом (словами) понятийные (категориальные) комплексы созерцательно не наглядны, визуально не представляемы.

в) Наглядность физических моделей? Если не сводить моделирование к экспликативной (обучающей – вспомогательной) деятельности, понимая под ним образное маневрирование – конструирование изоморфных (функциональных) систем с последующей демонстрацией выполнимости абстрактных образов на интерпретации, – ни о какой «наглядности» физических построений говорить не приходится. Наиболее наглядно-образны механические модели, но сводима ли к ним физика? Уже со времен вероятностной перестройки мышления укрепилось убеждение невозможности выражения множества физических проблем в языке механики (статистическая физика, электродинамика не получают обоснования на граните классической механики).

г) наглядность математических символов? Общую проблему конфликта «мыслительная – созерцательная способность» ставил Гете [45, с. 200], решая ее на пути синтеза: созерцание есть мышление, мышление – созерцание и высказываясь тем самым за осмысленность (теоретическую нагруженность) опыта.

Разлучая две способности нашей души, Кант предостерегает о бесполезности метафизического мечтательства, оккупирующего локус лишнего созерцания понятия: понятия без созерцания пусты. Между тем не отмахнуться от ранее обостренного вопроса: как созерцаемы абстракции? Если не останавливаться на решенном: абстракции – не созерцаемы, а углубляться в хитросплетения гносеологических реалий, а l'ordre du jour актуализируется проблема доказательства общего, – когда доказательство претендует на соответственное воплощение [1, с. 191]?

Человеческий опыт – уникален, конечен, доказательство – универсально, бесконечно, – как в актах доказывания одно связывается с другим? относительное становится абсолютным? В качестве ответа теория познания намечает механизм: на основе абстракции отождествления производится универсализация предметной области; используется прием репрезентативной экстраполяции по принципу свертывания $\exists \forall x(x \in y \equiv A(x))$. Объект доказательства толкуется как представитель класса (в кванторном выражении в качестве связанной переменной), что обеспечивает (по логическому отождествлению) трансляцию признаков с конкретной вещи на все подобные (уподобляемые) вещи. Скажем, по схеме $B(a) \vdash \forall x B(x)$ проводится доказательство той же теоремы о сумме углов треугольника. В конкретно (ситуативно) выполненной на чертеже треугольной фигуре усматривается (!) репрезентант (надситуативный) всех треугольных фигур. Посредством отождествления экстенционала (чертежный образ треугольника) с интенционалом (понятие треугольности – «треугольность» вообще) теорема высказывает о несозерцаемом понятии треугольности как таковой (созерцаемая

данность – начерченный треугольник и понятийный предмет – «треугольник in esse» соотносятся между собой как «индивид» и «человек» – воплощение homo). С гносеологической точки зрения в познании мы преодолеваем – «перескакиваем» – бездну [30, с. 18], проводя универсализацию: выделением «значения вообще» в «свертке» мы предзакладываем последующие предметные проекции, экземплификации с характерным подведением единичного под общее, явления под сущность и т.д. – разворачиванием, так сказать, действительно-возможного эйдетического объема.

Отсюда – вопреки Канту (и, конечно, – Флоренскому) – математические символические отношения непосредственно не визуализируемы; фундируются не созерцаниями, а более общими понятиями (сызнова: Кант полагал обратное) [16, с. 131]. (Per parenthesim: Кант специально не обременялся выяснением гносеологического статуса категориальных форм (как впоследствии Маркс), откладывая выполнение категориального «дополнения» к первой «Критике» до другого случая [16, с. 176]. Другого случая ему, как и Марксу, увы, не представилось.)

При переводе понятийного рассмотрения в созерцательное (чувственно-эмпирическое) математические (символические) отношения утрачивают и универсальность, и аподиктичность. То же положение: хорда сечет круг в двух точках с принятием во внимание операционально-физической проекции – с уменьшением масштаба – вообще обесмысливается; поднимающая на щит указанное интуиционистская математика принимает: хорда сечет круг в бесконечном числе точек.

Не поставляет дополнительной весомости и обращение к «интуиции времени». «Обосновывая» синтетичность равенства $7 + 5 = 12$, Кант опирается на «созерцание» времени. Но время само по себе лишено атрибуции «наглядности». Слагая пару чисел (7, 5), мы не прибегаем к приему последовательного прибавления по единице (пять раз) к исходному, получая требуемое. Никакого опосредования созерцательным актом временного порядка (если не считать жизненного «деления» на генерацию сумм) при выполнении арифметических действий (сложения) не осуществляется [42, с. 185–186]. (Нечто подобно – о якобы имеющемся переживании пространства (какого?) при ментальном восприятии аксиом геометрии (какой?). Современная трактовка существа теоретического знания такова. Концептуальные построения теории лишены прямой визуальной проекции, что в сфере геометрии высветилось непреходящим вкладом в развитие доктрины поверхностей Гаусса, Петерсона, Миндинга, Лиувилля, Бельтрами, Дарбу, Бианки и др., внедривших в рассмотрение (дифференциальную геометрию) лишённые созерцательных шлейфов абстрактные образы, присущие кривым, поверхностям, их семействам в «сколь угодно малой» (!) части [12, с. 148–149], и далее – n-мерным дифференциально-геометрическим многообразиям. Что бы сказал Кант, если б узнал, например, что в пространстве Минковского (ключевое понятие СТО) линейные элементы имеют и вещественную, и мнимую длину?)

Справедливость сходного – по части аргументации Брауэра, повторившего Канта: «Интуиция математики существенным образом представляет... неязыковую активность ума, берущую... начало в созерцании движения времени (?! – **В. И.**), то есть в расщеплении живого момента на две разные вещи... но сохраняемого в памяти. Если рожденная таким образом двоичность отделяется от всех качеств, то там остается пустая (! – **В. И.**) форма всеобщего субстрата всех двоичностей. Это есть та чистая форма, тот общий субстрат, который представляет... основную интуицию математики» [43, с. 140]. В скобках спросим: на какое созерцание движения времени опирается интуиция математики при мыслительном представлении (не мышлении,

но именно мыслительном представлении) числового континуума, заданного всеми (!) своими элементами?

Общий вывод: вымысел, желающий нравиться, должен правде быть близок, – поучает Гораций. Но не такова история вымысла интуитивно данных самоочевидных первоначал, не удовлетворяющих критерию интуитивной наглядности, по которому все, обнаруживаемое согласно ему, «должно приниматься так, как оно себя обнаруживает, и в тех пределах, в которых оно себя обнаруживает» [47, с. 92].

(В) Способ трансцендентального выделения исходных первоначал-основоположений знания подчинен преодолению диатаксиста «знание – реальность» – без каких бы то ни было неприятных разъемов основания знания корреспондируют основаниям реальности. Порука тому – прозрачайшая очевидность, наглядная ясность, явность, простота первопринципов. Эпопея изоморфии «ряда идей» – «ряду вещей» укладывалась в магистраль субъектоцентричного проекта *cogito*, развеивающего сомнения: если «Я» мыслит, то существует.

Магия «несомненности» формулы, рассеивая сомнения в ее правоте, инспирировала весьма однобокие и, прямо скажем, некритичные линии обоснования знания (от Декарта до Гуссерля и их эпигонов) в терминах трансценденталистского проекта. Не входя в разбор деталей, озаботимся главным: что мы знаем о себе как мыслящем? Почему подобное знание несомненно?

Во-первых, тезис *cogito ergo sum* влечет убеждение в существовании не мысли, но мыслящего тела [5, с. 418], имплицитующее проблематизацию «несомненного» [14]. Во-вторых, вытекающее из тезиса знание в антропо-критическом преломлении навеивает сознание собственного ничтожества: я знаю, что ничего не знаю (платформа Сократа – Паскаля). В-третьих, по мере культивации в обществе миропредставлений постмодерна, нигилизма, абсентеизма, абсурдизма отмечается эрозия установок фундаментализма: может ли человек «без свойств» с экипировкой антигероя иметь убеждения? Способна ли «жертва» истории, цивилизации самое себя обременять несомненностями? (Если Паскаль высказывал идею родовой человечности – единого самовозрастающего субъекта, то Кафка, порывая с линией субъективной континуальности, завещал сжечь свои книги: они – часть только его уже протекшей жизни).

К чему приходим? К двум принципиальным выводам: из тезиса «*cogito*» каким-то директивным путем не извлекается убеждение «несомненной наглядности»; данным тезисом не оправдывается классическая платформа «*constantia subjecti*».

Устанавливаемое традиционной гносеологией пространство доверия рушится; понятие «ясного и внимательного ума, настолько простое... отчетливое, что не оставляет сомнения в том, что мы мыслим» [7, с. 86], пасует; парадигмальные допущения об очевидной данности в переживаниях (?) пространства (аксиомы геометрии), времени (аксиомы арифметики) (Кант), эссенциалистски выверенных переживаний феноменов (Гуссерль) оказываются (используя фигуру Карнапа) путем в мистику [44, с. 47].

Избавиться от неосознаваемых, индуцируемых персональным, социальным опытом отягощений – в достижении «чистых», лишенных «утверждения более» беспредпосылочных ассоциаций – невозможно. Гносеология прощается с поиском техники созерцания «непосредственного» фундамента мысли; полнота эйдетической наглядности не достижима.

Глубина осмысленных исканий ясности определяется отныне сферой юрисдикции не первозаданной наглядности «мировозможных сущностных видов и вообще возможных предметностей» [6, с. 240], но прямо противоположными императивами.

Как настаивал Гейзенберг «...наглядные представления, с которыми мы сочетаем вещи нашего обычного опыта... не принадлежат к непреложным посылкам» науки [4, с. 64]. Аналогично – Лауэ: ненаглядность теории – критерий ее основательности [22, с. 125].

С гносеологической точки зрения представление (тем более наглядное) не способно концептуально выполнять то, что выполняет мышление; функционально одно к другому не сводится – отсутствует алгоритм такого рода сведения. Отчетливо сие проявляется в конституировании правомерности отвлеченного суждения: мышление комбинирует концептами любого (!), в том числе мнимого, предмета, что исключает дезавуирующую берклианско-кантианскую (трансцендентальная диалектика и метафизика, где основные мыслимые идеи оказываются предметом не знания, но веры) платформу: от невосприятия к несуществованию. (Ср.: математика использует число «е» – $e = \lim_{n \rightarrow \infty} (1 + \frac{1}{n})^n (\approx 2.7)$, трансцендентность которого показана Эрмитом; е – не «воспринимаемо» – технически не выполнимо, но экзистенциально. Интересно в связи с высказываемым идущее от стоиков различие внешнего (выражаемого) – внутреннего (подразумеваемого) слова; первое – знак, организует впечатление от прямого контакта с вещностью; второе – смысл знака (лектон), налаживает постижение вне подобного контакта. «Предметность» и «мыслимая предметность» у Хрисиппа не совпадают, хотя не отменяют друг друга).

Отрицание притязания «быть наглядным» наилучшим образом готовится к извлечению серьезного доктринального урока. Некая санирующая процедура возлагается на развертывание:

- новой сценографии гносеологии (1);
- гносеологической (философской) семантики, в тылах которой отсутствует химера фундаменталистской наглядной простоты, исключающей видовые различия «понятия» (тот же аксиоматический статус: закон исключенного третьего – аксиома в стандартной логике и теорема в системе Гильберта – Аккермана) (2).

(1) Созерцание собственной сущности от Виталь дю Фура через Декарта до Гуссерля, венчающееся обретением «чистой субъективности» – «непосредственной убежденности» «Я мыслю», современной теорией познания объявляется недостижимо-невозможным. Суть в том, что содержательное выпаривание субъективной (ментальной) сферы до начальной точки «0» – бессмысленно.

Дефинициальный статус сознания – быть «сознанием о...», – сознание (и в превращенной форме Schein) есть осознаваемое, осознанное бытие (Sein) – Bewußtsein и не может быть иным. Погружение в начало координат – нулевую отметку – в трактовке сознания, лишенного «знания о...», – как убедительно показал Гегель, дает пустое «ничто», (Впоследствии Brentano исключал «беспредметную интенциональность») [2, с. 24], что и подытоживает неуклюжие трансцендентально-феноменологические штудии.

Важно понять: редукция предметного фона сознания («Я») в любых техниках («сомнение», «еросче») не приводит к искомому – вожденной вне(бес)предметности, беспредпосылочности, явности; придирчивый анализ показывает: эвидентная основа духовности, толкуемая как *materia pura – prolem sine matre creatam* с «выключенной» генеалогической, онтогенетической, эмпирической обремененностью (*prolepsis*), горизонтностью (причастность *Umwelt, Sinnwelt, Lebenswelt, Wertswelt*), предданностью – не подводит к главному – самоданному самопредставлению.

В такой редакции проект трансцендентального фундаментализма, нацеленный на раскрытие абсолютного начала познания в лице осознаваемого «бессущего» [47, с. 66] – картины полной, окончательной, лишенной темнот, пустот, уплотнений логоцентричной замкнутой на себя субъективности, – не реализуем.

Последнее, в общем, представлял Кант, признаваясь «... на большой карте нашей души... освещены только немногие пункты, – это обстоятельство может возбуждать у нас удивление перед нашим собственным существом» [15, с. 366]. В дальнейшем упомянутое самоудивление стимулировало моделирование подпочвы субъективности (сознания) от догадок важности забытых впечатлений, влияющих на состояние личности, [35] бесчисленных наследственных остатков, определяющих «душу расы» [23] до разработок глубинной (фрейдизм, неофрейдизм), вершинной (социально-исторической, деятельностный подход в методологии психологии) психологии, когнитивистики, гуманитаристики.

(2) Долгожданное уразумение а) невозможности сведения абстрактных идей к чувственным прообразам [20, с. 12]; б) невыполнимости требования «сделать чувственным... абстрактное понятие, т.е. показать соответствующий ему объект в созерцании», поскольку понятие без такого показа оказывается фиктивным – «бессмысленным», «лишенным значения» [16, с. 302], – предопределило быстрый, яркий отклик позитивных гносеологических исканий.

Мощный, благодатный импульс получили исследования по:

- теории воображения: гносеология озаботилась-таки изучением продуктивной (дисквалифицированной Кантом) способности таланта не только упорядочивать (способность суждения), а создавать (способность творения) извлекаемые не из созерцания, но из работоспособного творческого ума новации – «химеры» [12];
- теории истолкования (интерпретации): гносеология озаботилась-таки осмыслением соотношения действительного и возможного, актуального и потенциального, реального и виртуального сущего – бытия *in carne* и *in effigie*.

Рефлексия самодостаточных смыслопорождающих и смыслодающих функций вывела на простор семантической деятельности, позволяя расценивать отнесение к смыслам, наделение значением не в качестве специфического (во многом вспомогательного) переживательно-созерцательного акта, но в качестве основной критико-аналитической процедуры.

Элементарный канон оформления таковой – идея лингвистической (языковедческой) тактики систематизации заявляемых коммуникацией внутренних форм слов: кодификация, словарная, тематическая фиксация конституированных общением (профессиональным сообществом) значений словоформ дает принцип решения. Между тем фактическая невозможность задать списочным, перечислительным способом многообразие оперативных (контекстуальных) значений слов погружает в сферу «игры» (наблюдение Витгенштейна). Играть, выясняя «значение» из «употребления», вероятно, интересно, в особенности учитывая хитро-сплетения паралингвистических, тропных, подтекстных, затекстных эффектов, но – не эффективно. Язык языковых игр не алгоритмичен. Перед нами – казус, где аргумент от «*fante de mieux*» не проходит; в итоге – отказываются от игрового, словарно-тезаурусного принципа.

Использование слов, словесный обмен – ситуативен; обозреть потенцию модификаций словоформ даже в элементарных изъяснениях не удастся. Это – по причине актуализации проблемы разрешения: сложность методов растет, эффективность результатов падает; алгоритмических техник нет, способ перебора (в установлении «семейных сходств») бесперспективен.

Взять простейшее «не мой», – оно способно обретать инкарнацию глагола, притяжательного местоимения с отрицательной частицей; при слитном выполнении, получающем

визуальную, интерактивную идентификацию, – существительного. Сходное – при разграничении омонимов: «проба» – испытание и «проба» – клеймо; дело осложняется при склонении: в творительном падеже к обозначенным вариациям с переносом ударения присовокупляется «пробой» (именительный падеж) – металлическая дужка для навешивания замка и «пробой» (именительный падеж) – дыра (в корпусе судна).

Особых ожиданий не позволяет связывать с собой формальная логика, не располагающая (на процедурном уровне) автономным оптимальным средством упорядочения естественного языка. (Да и выстраивание искусственных языковых конструкций, – по упоминавшейся, задающей смысловое существование аксиоме свертывания $\exists y \forall x (x \in y \equiv A(x))$, если в качестве $A(x)$ принять $\bar{x} \in x$ возникает парадокс Рассела).

Аппарат лингвистической, формально-логической семантики практически не используем в оценке базовых умозрительных допущений – не имеющих внятных референциальных значений. Таковы, скажем, теплород, эфир, флогистон, круговая орбита и т.п., природные реификационные проекции которых пусты. Лингво-логическая систематизация их участия в тезаурусе, конечно, не бессмысленна, но не эвристична. Востребуется, во-первых, эмпирическая идентификация, решающая их натуралистический статус (объективация, материализация, атрибуция, предикация, характеристика, интерпретация, операционализация, верификация), во-вторых, мотивационная идентификация, решающая их ролевой статус. Так оконтуриваются перспективы философской (гносеологической) семантики, разъясняющей, на каких основаниях в корпус науки инкорпорируются фикции (как задним числом известно).

К примеру, устанавливаются, – тот же «теплород» запускается в рассуждения необходимости тематизации «теплоемкости», «теплопроводности» [39] согласно определяемой фацией [11] диспозиции: всякое свойство (акциденция) детерминировано тайной фундирующей субстанцией («силой»), обретающей плоть вещественно организованного порождающего источника, ответственного за явные дериваты. (Допущения (Франклин, Бергаве, Бюффон, Гартли, Шталь и др.) разнообразных скрытых природных энтелехий, «энергий»). Также – «кругообразное вращение небесных светил» – плод социокультурного влияния: небесные, причастные эфирной квинтэссенции тела движутся по «совершенным» (не земноподобным) траекториям – круговым (круг – в социокультуре античности – «совершенная» фигура) орбитам.

Семантика «теплорода» в теплофизике, «круга» в астрономии легализуется не внутринаучными взглядами, раскрываемыми философско-семантическими демонстрациями влияния БТ на ФТ.

Сказанное окончательно отменяет фундаменталистскую схему толкования знания как прямой инспирации «явно усмотренным». В науку включается не то, что само себя обнаруживает, но то, что конституируется императивами фациально адаптированной ФТ. (Современное физическое моделирование картины мироздания производится ресурсом 4 видов фундаментального взаимодействия с невключением в перечень допустимого «левитации»).

Интригующий прецедент – детерминируемый антропной линией (шлейфы «семьи», «школы», «эпохи») «фон личности», склоняющий к экзотическим «вкусовым» решениям, идущим в разрез с общепринятой «нормой» – узаконенной научной картиной мира. Нетривиальная редакция прецедента – фронда специалистов экстракласса, которых ни в консерватизме, ни в дилетантизме не упрекнуть. Ограничимая ссылкой на приверженность Лоренца, Яноши эфирной модели реальности [26, 48]. Экспликация частных мироубеждений (выбор, решение) тем более не выполняется в языке лингво-логической семантики, что затребует не констатацию

эрозии норм (вердикты *anahema maranata*), но вдумчивого разбора (вплоть до выстраивания генеалогического, онтологического, психоаналитического «анамнеза») мотивов принятия той или иной онтологии мира. Конечно, звучность имен может завораживать, однако в науке, когда адресуешься к авторам, следует упираться, как говорил Паскаль, на доказательства, а не на имена.

Литература

1. Аристотель. *Аналитики*. Л.: Государственное издательство политической литературы, **1952**. 489 с.
2. Brentano Ф. О внутреннем сознании // *Новые идеи в философии*. Сб. №15. СПб.: Образование, **1914**. С. 24–48.
3. Гассенди П. *Сочинения в 2 тт.* М.: Мысль, **1968**. Т. 2. 835 с.
4. Гейзенберг В. Открытие Планка и философские вопросы учения об атомах // *Вопросы философии*. **1958**. №11. С. 61–69.
5. Гоббс Т. *Избранные произведения в 2 тт.* М.: Мысль, **1964**. Т. 1. 583 с.
6. Гуссерль Э. Метод прояснения // *Современная философия науки: Хрестоматия*. М.: Логос, **1996**. 400 с.
7. Декарт Р. *Избранные произведения*. М.: Политиздат, **1950**. 712 с.
8. Ильин В. В. *Аксиология*. М.: Проспект, **2020**. 192 с.
9. Ильин В. В. *История и философия науки*. М.: Проспект, **2019**. 335 с.
10. Ильин В. В. *Мир Globo: вариант России*. М.: КДУ, **2009**. 255 с.
11. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Гаудеамус: Академический проект, **2014**. 203 с.
12. Ильин В. В. *Теория познания. Эвристика. Креатология*. М.: Проспект, **2019**. 173 с.
13. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia humaniora. Гуманитаристика*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
14. Ильин В. В. *Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен*. М.: Проспект, **2022**. 336 с.
15. Кант И. *Сочинения в 6 тт.* М.: Мысль, **1966**. Т. 6. 743 с.
16. Кант И. *Сочинения в 6 тт.* М.: Мысль, **1964**. Т. 3. 799 с.
17. Клейн Ф. *Элементарная математика с точки зрения высшей*. М.: Наука, **1987**. 432 с.
18. Клини С. *Введение в метаматематику*. М.: Изд-во иностранной литературы, **1957**. 526 с.
19. Клини С. *Математическая логика*. М.: Мир, **1973**. 480 с.
20. де Кондильяк Э. Б. *Сочинения в 3 тт.* М.: Мысль, **1982**. Т. 1. 333 с.
21. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. *Механика*. М.: Наука, **1965**. Т. 1. 203 с.
22. Лауэ М. *Статьи и речи*. М.: Наука, **1969**. 364 с.
23. Лебон Г. *Психология народов и масс*. СПб.: Ф. Павленков, **1896**. 329 с.
24. Локк Д. *Избранные философские произведения в 2 тт.* М.: Соцэкгиз, **1960**. Т. 1. 734 с.
25. Локк Дж. *Сочинения в 3 тт.* М.: Мысль, **1985**. Т. 2. 559 с.
26. Лоренц Г. А. *Видимые и невидимые движения*. Одесса: В. Распопов, **1904**. 138 с.
27. Лосский Н. О. *Избранное*. М.: Правда, **1991**. 624 с.
28. Мах Э. *Анализ ощущений и отношение физического к психическому*. М.: Изд-во Скирмунта, **1908**. 308 с.
29. Мах Э. *Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования*. М.: Изд-во Скирмунта, **1909**. 471 с.
30. Пуанкаре А. *О науке*. М.: Наука, **1983**. 560 с.
31. Пиаже Ж. *Психология интеллекта // Избранные психологические труды*. М.: Просвещение, **1969**. 659 с.
32. Рессель Б. *Проблемы философии*. Петроград: П. П. Сойкин, **1914**. 120 с.
33. Спиноза Б. *Избранные произведения в 2 тт.* М.: Государственное Издательство Политической Литературы, **1957**. Т. 1. 631 с.
34. Спиноза Б. *Избранные произведения в 2 тт.* М.: Государственное Издательство Политической Литературы, **1957**. Т. 2. 728 с.
35. Троицкий М. М. *Общие свойства и законы человеческого духа*. В 2 тт. М.: Н. А. Абрикосов, **1882**. Т. 1–2.
36. Флоренский П. А. *Символическое описание // Феникс*. М., **1922**. Кн. 1. С. 80–94.
37. Френкель А., Бар-Хиллел И. *Основания теории множеств*. М.: Мир, **1966**. 557 с.
38. Хайкин С. Э. *Физические основы механики*. М.: Наука, **1971**. 752 с.
39. Чудинов Э. М. *Природа научной истины*. М.: Политиздат, **1977**. 312 с.

40. Юм Д. *Сочинения в 2 тт.* М.: Мысль, **1965**. Т. 1. 847 с.
41. Bourbaki N. *Elements d'histoire des mathematiques*. Paris, **1969**. 276 p.
42. Bolzano B. *Wissenschaftslehre*. Bd. 3: Erfindungskunst. Sulzbach: Z. Seidel, **1837**. 488 S.
43. Brouwer L. E. J. Historical Background, Principles and Methods of intuitionism // *South African Journal of Science*. **1952**. Vol. 49. No. 3–4.
44. Carnap R. *Scheinprobleme in der Philosophie*. Frankfurt, **1928**. 366 p.
45. Goethes W. *Naturwissenschaftliche Schriften*. Dornach, **1982**. Bd. 2.
46. Husserl E. *Ideas: general introduction to pure phenomenology*. New York: Macmillan, **1931**. 377 p.
47. Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Bd. II. IV Teil. Halle A. D. S.: Max Niemeyer, **1922**. 508 s.
48. Janossy L. *Theory of Relativity Based on Physical Reality*. Budapest: Akademiai Kiadó, **1971**. 317 p.
49. Pascal B. *Oeuvres complètes*. Paris: Seuil, **1963**. 680 p.

Поступила в редакцию 02.06.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.3.1

“Visibility” in the justification of scientific knowledge

© V. V. Ilyin

*National Research Center “Kurchatov Institute”
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

Confessional querrelles de mots of the largest epistemological platforms – sensualism, rationalism, intuitionism – were conceptually “removed” by the general program of theoretical and cognitive fundamentalism, which was formed on ideas: cogitationes – devoid of habitual definiteness of subjectivity occupying the capsule of a depersonalized soul; lucidus ordo – a clear order of world representation based on apparent self-awareness. The ideal is not in achievement, but in aspiration. The erosion of both the subject and the method of “direct discretion” was prepared by the enduring foundations of experimental, social psychology, cognitive science, and evolutionary epistemology, which conditioned a change in the general strategy of the epistemological interpretation of the phenomena under study due to the accentuation of not “visibility”, but semantic verification.

Keywords: substantiation of knowledge, visibility as a criterion of scientific character, semantic procedure.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. “Visibility” in the justification of scientific knowledge // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 3. Pp. 153–170.

References

1. Aristotle. *Analitiki [Analytics]*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952.
2. Brentano F. *Novye idei v filosofii*. Sb. No. 15. Saint Petersburg: Obrazovanie, 1914. Pp. 24–48.
3. Gassendi P. *Sochineniya v 2 tt. [Works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', 1968. Vol. 2.
4. Geizenberg V. *Voprosy filosofii*. 1958. No. 11. Pp. 61–69.
5. Hobbes T. *Izbrannye proizvedeniya v 2 tt. [Selected works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', 1964. Vol. 1.
6. Husserl E. *Sovremennaya filosofiya nauki: Khrestomatiya*. Moscow: Logos, 1996.
7. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow: Politizdat, 1950.
8. Il'in V. V. *Aksiologiya [Axiology]*. Moscow: Prospekt, 2020.
9. Il'in V. V. *Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science]*. Moscow: Prospekt, 2019.
10. Il'in V. V. *Mir Globo: variant Rossii [Globo world: a variant of Russia]*. Moscow: KDU, 2009.
11. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya [Theory of knowledge. Social epistemology. Sociology of knowledge]*. Moscow: Gaudeamus: Akademicheskii proekt, 2014.
12. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya [Theory of knowledge. Heuristics. Creatology]*. Moscow: Prospekt, 2019.
13. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia humaniora. Gumanitaristika [Philosophy of humanitarian knowledge. Studio humaniora. Humanities]*. Moscow: Prospekt, 2019.
14. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen [Philosophy of crisis. Humanity on the verge of catastrophic changes]*. Moscow: Prospekt, 2022.
15. Kant I. *Sochineniya v 6 tt. [Works in 6 volumes]*. Moscow: Mysl', 1966. Vol. 6.
16. Kant I. *Sochineniya v 6 tt. [Works in 6 volumes]*. Moscow: Mysl', 1964. Vol. 3.
17. Klein F. *Elementarnaya matematika s tochki zreniya vysshei [Elementary mathematics from a higher standpoint]*. Moscow: Nauka, 1987.

18. Klini S. *Vvedenie v metamatematiku [Introduction to metamathematics]*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, **1957**.
19. Klini S. *Matematicheskaya logika [Mathematical logic]*. Moscow: Mir, **1973**.
20. de Condillac E. B. *Sochineniya v 3 tt. [Works in 3 volumes]*. Moscow: Mysl', **1982**. Vol. 1.
21. Landau L. D., Lifshits E. M. *Mekhanika [Mechanics]*. Moscow: Nauka, **1965**. Vol. 1.
22. Laue M. *Stat'i i rechi [Articles and speeches]*. Moscow: Nauka, **1969**.
23. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass [Psychology of peoples and masses]*. Saint Petersburg: F. Pavlenkov, **1896**.
24. Locke J. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 tt. [Selected philosophical works in 2 volumes]*. Moscow: Sotsekgiz, **1960**. Vol. 1.
25. Locke J. *Sochineniya v 3 tt. [Works in 3 volumes]*. Moscow: Mysl', **1985**. Vol. 2.
26. Lorentz H. A. *Vidimye i nevidimye dvizheniya [Visible and invisible movements]*. Odessa: V. Raspopov, **1904**.
27. Losskii N. O. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow: Pravda, **1991**.
28. Mach E. *Analiz oshchushchenii i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu [The analysis of sensations and the relation of the physical to the psychical]*. Moscow: Izd-vo Skirmunta, **1908**.
29. Mach E. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya [Knowledge and error. Sketches on the psychology of enquiry]*. Moscow: Izd-vo Skirmunta, **1909**.
30. Poincare A. *O nauke [On science]*. Moscow: Nauka, **1983**.
31. Piget J. *Izbrannye psikhologicheskie trudy*. Moscow: Prosveshchenie, **1969**.
32. Ressel B. *Problemy filosofii [The problems of philosophy]*. Petrograd: P. P. Soikin, **1914**.
33. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya v 2 tt. [Selected works in 2 volumes]*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury, **1957**. Vol. 1.
34. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya v 2 tt. [Selected works in 2 volumes]*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury, **1957**. Vol. 2.
35. Troitsky M. M. *Obshchie svoistva i zakony chelovecheskogo dukkha [General properties and laws of the human spirit]*. V 2 tt. Moscow: N. A. Abrikosov, **1882**. Vol. 1–2.
36. Florensky P. A. *Feniks*. Moscow, **1922**. Kn. 1. Pp. 80–94.
37. Frenkel A., Bar-Khillel Y. *Osnovaniya teorii mnozhestv [Foundations of set theory]*. Moscow: Mir, **1966**.
38. Khaikin S. E. *Fizicheskie osnovy mekhaniki [Physical foundations of mechanics]*. Moscow: Nauka, **1971**.
39. Chudinov E. M. *Priroda nauchnoi istiny [The nature of scientific truth]*. Moscow: Politizdat, **1977**.
40. Hume D. *Sochineniya v 2 tt. [Works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', **1965**. Vol. 1.
41. Bourbaki N. *Elements d'histoire des mathematiques*. Paris, **1969**.
42. Bolzano B. *Wissenschaftslehre*. Bd. 3: Erfindungskunst. Sulzbach: Z. Seidel, **1837**.
43. Brouwer L. E. J. *South African Journal of Science*. **1952**. Vol. 49. No. 3–4.
44. Carnap R. *Scheinprobleme in der Philosophie*. Frankfurt, **1928**.
45. Goethes W. *Naturwissenschaftliche Schriften*. Dornach, **1982**. Bd. 2.
46. Husserl E. *Ideas: general introduction to pure phenomenology*. New York: Macmillan, **1931**.
47. Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Bd. II. IV Teil. Halle A. D. S.: Max Niemeyer, **1922**.
48. Janossy L. *Theory of Relativity Based on Physical Reality*. Budapest: Akademiai Kiadó, **1971**.
49. Pascal B. *Oeuvres complètes*. Paris: Seuil, **1963**.

Received 02.06.2022.